

ГОМУНКУЛ

МАКСИМ РАДАЕВ

Максим Радаев

Гомункул

«Автор»

2026

Радаев М.

Гомункул / М. Радаев — «Автор», 2026

В армии для главного героя начинаются странные события. Возвращение преподносит жестокий удар: мать становится жертвой аварии. Попытка наказать виновного втягивает парня в опасный конфликт с беспощадным криминальным миром. Оказавшись в опасной ситуации, создаёт верного гомункула, чтобы бросить вызов бандитам. Но настоящие испытания только начинаются. Найденный с другом проклятый клад приносит не богатство, а новую трагедию. Теперь, используя тёмное знание, герой должен вернуть золото, жестоко отомстить убийцам и найти любовь. А возможно этот мир и не самое уютное место во вселенной

© Радаев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Радаев

Гомункул

Глава 1

*Все события в книге
вымышлены,
все совпадения случайны.*

— Лоу!
— Двойка!
— Маэ!
— Тройка!
— Доворачивай ногу, доворачивай.

На поваленной сосне, будто на тренировочном помосте, стоит парень. Смуглая кожа отливает бронзой в косых лучах солнца. Камуфляжные штаны держатся на кожаном ремне, ослепительно сверкает бронзовая бляха с звездой - особый дембельский шик. Выше пояса ничего, только тело, изрезанное жизнью. На спине темнеет шрам, след старого ножевого, перебитый нос говорит о бесчисленных уличных драках, дополняет картину слегка порванное правое ухо.

— Давай Степа, минута осталась, - сказал парень, снова потекли короткие, как удары, команды.

— Маэ!
— Двойка!

Кедр гудит от ударов, мошка в ужасе жмётся к краям поляны.

— Присядь слегка, корпус резче доворачивай!

— Лоу!

В центре вытоптанной полянки — кедр, толщиной с бочку, по кругу набита самодельная макивара из мешковины. Крепкий парень в камуфляжных штанах, замер в боевой стойке, поджарое тело сверкает каплями пота в утреннем солнце.

— Всё Стёпа, хорош, - сказал смуглый, достал сигареты.

Стёпа упёрся ладонями в колени, дыхание пошло восстанавливаться быстрее. Через пару минут, выпрямился, подхватил с поваленного кедра полотенце, обтёрся.

— А прикури-ка мне сигарету, Цыган, - сказал Степан, перешнуровывая берцы.

— Ты чо, душара, бессмертный что ли! – рыкнул смуглый, пружиной соскочил с бревна, нога метнулась в убойном маваше.

Степан уклонился от удара, провёл правый боковой в корпус, на секунду задержал удар. Цыган по инерции навалился на Степана, оба заржали, что сытые кони.

— Молоток, а помнишь, каким дрыщём пришёл?

— Помню конечно, - сказал Степан, накинул на плечи камуфляжную куртку с лычками младшего сержанта.

— Пойдём, скоро почта приедет, - сказал Цыган, подхватил с бревна сержантскую куртку.

Парни стали подниматься по узкой тропе, петляющей между валунов и низких кустов багульника. Камни под берцами, будто иссечены ветром и временем. Тропа понемногу забирает вверх, с каждым поворотом открываются тёмные шапки кедров на соседних сопках.

Наконец тропа вывела на вершину сопки. Застава выглядит как маленький островок порядка среди дикой тайги, аккуратная казарма, вышка с часовым, хозпостройки. До дембеля

осталось пара месяцев, в душе мелькнула лёгкая грусть, всё-таки привык к простой солдатской жизни.

— Я всё-таки на контракт останусь, - сказал Цыган, - здесь я чувствую себя дома.

— Тоже дело, - сказал Степан. — А я к матушке поеду, соскучился уже.

За год до армии у Цыгана умерла мать, отца вообще не знал. Из родственников никого, возвращаться некуда. Степана ждёт мать, от отца остался только небольшой амулет, что болтается на шее, на тонкой серебряной цепочке. Похожий на полумесяц, на ощупь будто камень, изрезанный непонятными знаками.

Во дворе заставы, камуфляжный ГАЗ-66, летнее солнце сверкает в круглых фарах, словно глаза голема. Степан подошёл к высокому парню в тельняшке, штаны под цвет грузовика.

— Здорово Егор, рад тебя видеть.

— Здорово Стёп, не меня ты рад видеть, а то что военная почта присылает.

— Что сказать, прямо в точку, - сказал Цыган, подходя ближе.

— Вот жук, ничего святого, - сказал Егор, улыбаясь во все тридцать шесть, - Вот, держи.

В ладонь Степана упало пухлое письмо, посередине наклейка с адресатом. От матери, больше никому, до армии не успел обзавестись постоянной девушкой, а случайных можно вообще не вспоминать.

— Пойдём Егор, покурим, да потрещим за дела насущные, - сказал Цыган, протянул пачку китайских сигарет.

— Ого, откуда дровишки? – сказал Егор, рассматривая пачку.

— С последнего задержания, чего добру пропадать. Бери – бери, у меня ещё есть.

Степан толкнул дверь и вошёл в казарму, пять коек справа, пять слева, синие одеяла выровнены, хоть строительным уровнем проверяй. Разлёгся на кровати, закинул ноги на дужку. Что ни говори, а положение дембеля имеет свои плюсы.

Достал из тумбочки ножичек размером с палец, лезвие выскочило, словно коготь у тигра. Кончик лизнул край письма, выпал исписанный лист и замшевый пакетик, перетянутый капроновой ниткой. Особо не заморачиваясь, перерезал нитку и вытряхнул на ладонь небольшую вещицу. Глаза округлились, рука потянулась к цепочке на шее.

— Едрён завертон.

В руках половинка амулета, близнец того, что болтается на шее. Степан расстегнул цепочку, приблизил половинки друг к другу. Щелчок, и части амулета приросли друг к другу. Степан безрезультатно поискал шов и хмыкнув, застегнул цепочку на шее. Разгладил тетрадный лист, густо исписанный аккуратным почерком.

«Стёпушка, выполняю волю твоего отца, в день рождения соедини половинки амулета, как он просил. Не знаю, почему именно когда исполнится двадцать лет, но думаю, он знал, что делал. Жду не дождусь тебя сынок, ещё два месяца, кажется, так долго...».

Глава 2

Степан дочитал письмо и положил в тумбочку, день рожденья уже сегодня, так что Егор приехал вовремя. Сунул амулет под куртку и вышел из казармы. В деревянной беседке, увитой диким виноградом, расположились Цыган с Егором, Степан плюхнулся на лавочку, достал сигареты.

— Ну что, всё по чертежу?

— Угу, - сказал Егор, расстегнул сумку-трёхдонку, сверкнули звёзды на пробках.

— Отлично, скоро народ с обхода вернётся, загудим, надо дежурного озадачить с мангалом.

— Я пока оленину притараню, позавчера удачно на браконьеров нарвались, - сказал Цыган, поднялся с лавочки.

— погоди, Цыган, - сказал Егор, достал из кармана свёрток и протянул Степану.

— Ваша доля, Стёпыч, с последней темы.

— Нормально вышло?

— Неплохо, по стописят каждому, - сказал Егор.

— Пойдёт, - сказал Степан, убрал свёрток в карман.

— Ещё ходили?

— Да, завтра, перед отъездом заберёшь пару корней.

— Ништяк, ты куда собрался?

— Пойду, бабки пристрою в надёжное место, а то потерю исчо.

Степан зашёл в здание, едва не поскользнулся на мокром полу. Дежурному, виновато замершему с тряпкой в руке, шутливо погрозил кулаком. Промелькнули плакаты на стенах, подошёл к серой двери, мазнул взглядом по зеркальной табличке «Командир части №...». Пару раз стукнул в дверь для приличия, вошёл в кабинет.

— Здравьжелаю, таищмайор.

— Здорово, именинник, присаживайся, - сказал кражистый мужчина в камуфляжной форме, матово блеснули звёзды на погонах.

Движения неторопливые, мощные, словно медведь в берлоге, выбрался из-за стола, крепко пожал руку, хлопнул по плечу так что едва не вогнал по колено в пол. Достал из-под стола бутылку коньяка.

— Олег Иванович, я тут денег принёс малёхо, по сто пятьдесят на брата, - сказал именинник, на стол плюхнулся пакет.

— Отлично, Стёпа, отлично. Теперь с командиром дёрни по сто пятьдесят на брата, - хохотнул майор, янтарная жидкость устремила в рюмки.

— С командиром грех не выпить.

— За именинника!

Звякнул хрусталь, Степан потянулся к коробке с конфетами.

— Настоящее «птичье молоко», брат со Владика привёз, - сказал майор, подошёл к сейфу в углу кабинета, скрипнула массивная дверца и пакет с деньгами исчез в стальной утробе.

— Поздравляю, товарищ сержант, домой вернёшься не с пустыми руками, - сказал командир, уселся в кресло.

— Класс, будет с чего разгуляться на гражданке, - сказал Степан, довольно потёр ладони.

— Так я ж пока младший, вроде.

— На дембель сержантом уйдёшь, - сказал майор, вновь наполнил рюмки.

— Понял, - сказал Степан, губы сами разъехались в довольной улыбке.

— Выпьем, да послушай старого крокодила, не гонись за развлечениями. Спустишь деньги на девок да пьянки, чего потом делать будешь?

— Работать пойду куда ни будь, что делать-то. В посёлке с работой не очень, правда, но можно во Владике устроиться без проблем.

— И что, до пенсии будешь на дядю горбатиться, а девушку найдёшь, детки пойдут, так и будешь прозябать всю жизнь. У тебя сейчас хороший задел на будущее.

— Какие мои годы, Олег Иванович, успею ещё жизнь устроить. Погулять то хочется.

— Гульни немного, как без этого, только все деньги не трать. Поверь мне, годы летят очень быстро. Я тоже был как ты, после армии гулял, в одну из гулянок жену будущую встретил. Тоже думал, что успею всё наладить, многого добиться. А жизнь вон как сложилась, семью потерял, карабкаться наверх желание пропало.

Командир со Степаном вышли на крыльцо, в беседке уже вовсю бурлит движение, в сто-
ронке дымится мангал, Егор насаживает на шампура сочные куски мяса. Цыган нарежает коп-
чёную чавычу.

— Равняйсь, - рявкнул Степан.

Егор подскочил с шампуром в одной руке, вторая, с куском мяса вскинулась к виску. Цыган тоже замер с куском рыбы в руках.

— Ха-ха-ха, - мощно задал ноту командир, бойцы подхватили, от хохота посыпались иголки с кедров.

— Руки за голову, на землю, лицом вниз! - раздался рёв со стороны тайги.

— Я те дам, лицом вниз, диверсанты хреновы, - гаркнул командир. - Яша, ты на два часа. Лёха, выходи из-за машины. А ты, Кирилл, слазь с гаража, и не лень карабкаться было.

— Товарищ майор, к вам не подобраться, - сказал камуфлированный парень, выбираясь из куста.

— Яша, глянь сюда, - сказал командир, в ладонях по метательному ножу. Короткий взмах, лезвие мощно врубилось в кедр, стоящий как раз за кустом.

— Иваныч как всегда, начеку, - сказал боец в камуфляже, выходя из-за грузовика.

Послышался грохот и отчаянные маты, из-за кирпичного гаража вышел, прихрамывая, третий боец.

— Кто там тазик ржавый бросил, ёпэрэсэтэ, чуть ноги не переломал.

— Кирюха, ты бы не лез куда попало, и всё нормуль бы вышло, - сказал Степан, сдерживая хохот.

— Смешно вам, развлекаетесь, а мы рубежи охраняем, - сказал Яша.

— Ну и как. Получается? - спросил командир.

— Периметр в порядке, Иваныч, только восьмую камеру пришлось переставить на сосед-
нее дерево, уже третий раз вниз смотрит. Там дупло, похоже белки шалят.

— Ну и ладушки. Стволы в оружейку и за стол.

Когда все, кроме дежурного за мониторами видеонаблюдения, собрались в беседке, Егор разлил коньяк по стаканам.

— Поздравляем тебя, Степан батькович с совершеннолетием и желаем долгих лет здра-
вия и счастья, - сказал командир.

— Поздравляем, от души, так сказать, - сказал Цыган, от крепкого рукопожатия онемели пальцы.

Степан по очереди пожал всем руки, и уселся за стол. После третьей по телу разлилось приятное тепло, мир вокруг расцвёл, деревья стали зеленее, синева неба глубже. Егор положил на тарелку шампура с румяной олениной, в ноздри ударил такой запах, что едва не захлебну-
лись слюной.

Когда первая партия шашлыка уютно прилегла в желудках, на освободившийся центр
стола легла картонная коробка, нарисованные фломастером звёзды, пистолеты, даже автомат.

— От имени бойцов нашей доблестной заставы, скромный подарок, - сказал командир.

Степан раскрыл коробку и охнул, в руках матово чернеет бинокль, сбоку надпись «Nikon» и куча иероглифов. Именинник прильнул к окулярам, навёл на дальний угол казармы. Гигантский таракан, во весь обзор, заполз в трещину на стене.

— Десятикратный, с азотным наполнением, - сказал Цыган.

— Спасибо пацаны, теперь граница на замке, всё увидим ещё на стадии замышления.

Дальше пьянка поплыла по накатанной. Тосты полетели один за другим, короткие, без лишней лирики: за тех, кто рядом, за тех, кого уже нет, за боевое братство, за родную часть. Кто-то метнул нож в щит с нарисованной мишенью, лезвие вошло в центр, по беседке прокатился одобрителный гул. Потом затеяли шуточную борьбу, смех громче, голоса свободнее.

Глава 3

Утром Степана разбудила трель будильника, натянув штаны, подхватил остальную одежду в охапку, пробрался сквозь завесу перегара. Умывшись ледяной водой, оделся и вышел из казармы, в рассветный туман поднялся дымок сигареты.

— Что Стёп, не спится? - услышал за спиной.

На крыльцо вышел командир, в штанах, голый торс, бугры мышц перекатываются под дублёной кожей, с хрустом потянулся, подошёл к ванне с дождевой водой.

— Плесни малёхо, - сказал майор, протянул металлический ковшик.

— Да, погудели вчера, - сказал Степан, ловко отщелкнул бычок в урну.

— А ты чего поднялся так рано, я же тебе выходной дал, - сказал командир, фыркая как тюлень, когда Степан плеснул ледяной водой.

— Жалко тратить впустую, по тайге пробежусь, может найду чего. Да и хмель выйдет.

— И то дело, кстати, если лимонник попадётся, срежь немного. А то ягоды кончились, и поспеет не скоро.

— Хорошо Иваныч, я пошёл, - сказал Степан, закинул на плечо вещмешок.

В паре километров от заставы, забрался на поваленную сосну, взгляд скользнул вниз, на склон сопки. Поднял пятерню к бритому затылку, раздался звук будто скоблят свиную шкуру, махнул головой, со лба и носа сорвались капли пота. Вдохнул чистейший воздух, густо приправленный хвойными нотками. До вершины топать и топать, чего понесла нелёгкая, уже не сказал бы. Вроде потянуло что-то, едва подошёл к подножию.

Издали сопка кажется вполне обычной, если бы не вершина, словно срезанная гигантским ножом. Странно что раньше не замечал, хотя все окрестности давно обследованы. Спрыгнув с поваленного дерева, снял камуфляжную куртку, пропитанную потом, обвязал рукава вокруг пояса.

Снял футболку, скрутил в жгут, на землю хлынул целый водопад, влажная ткань коснулась тела, поёжился. Под ногами хрустнула ветка, увернулся от колючей палки элеутерококка и замер. Перед глазами, буквально в метре, на ветке сидит бурундук, глазки-бусинки внимательно рассматривают человека.

Бурундук резко свистнул так, что Степан присел, затем зверёк застрекотал что-то, мелькнула полосатая спинка, уже со следующего дерева грызун оглянулся, снова застрекотал, словно приглашая за собой. Степан двинулся вперёд, раздвигая кусты руками. Когда ощутил, что всё, больше не сделать ни шагу, упал на ковёр из хвои, поднял взгляд и стиснув зубы, на карачках преодолел последние метры. Сразу забылась усталость и пройденный путь.

Открывшаяся картина захватила дух, протёр кулаками глаза. Всё плато покрывает невысокая, ярко-зелёная трава, в центре гигантской площадки, ровной как футбольное поле, странное сооружение из камня, похожее на жилище эскимосов, в середине темнеет круглая дырка. Бурундучок свистнул и прыжками понёсся к серой глыбе.

Степан заставил себя передвигать уставшие ноги, обтирая запylённые берцы о траву. Какая-то странность не даёт покоя, остановился у каменной стенки, когда дошло что не слышно ни звука. Заглянул в отверстие, размером с канализационный люк, в ноздри вторгся странный запах.

— Эй, есть тут кто?

Выпрямился, пошарив взглядом по сторонам, пошёл к краю, минуты через две нашёл смоляной пень, штык-нож с звонким хрустом врубился в блестящую древесину, откололась длинная щепка. Выломал ещё несколько, смола мстительно испачкала руки, вернулся к дольмену. На конце деревяшки заплясал огонёк, Степан залез внутрь.

Пропитанная смолой щепка ярко разгорелась, мрак отодвинулся к стенам. В середине, на утопанном полу, круг из камней, остатки костра в центре. Степан положил горящую щепку на холодные угли, сверху пристроил охапку. Пламя осветило закопчённые стены, рисунки в виде кругов с пятиконечными звёздами внутри, непонятные значки, странные буквы.

Легкое шуршание в тёмном углу, Степан оглянулся и едва не наложил в камуфляжные штаны. Огненные сполохи мечутся по согбенной фигуре в чёрном балахоне. Под капюшоном - темнота.

Глава 4

— Что, внучок, испужался? – зашелестел голос.

Слова застряли где-то в районе груди, ноги ослабли. Не сводя глаз, сполз на утоптаный пол. Фигура придвинулась к огню, капюшон упал на худые плечи. Старик, древний как сама тайга, лицо – череп, туго обтянутый кожей. А глаза поразили больше всего. Радужная оболочка и зрачок одним цветом, ярко зелёные, будто светятся изнутри.

— Ну здравствуй, внук, свиделись наконец, - прошептал старик, опустился на пол.

— Ах-рх-грх, - прочистил горло Степан, испуг скрылся как суслик в норке, захватило любопытство. - А откуда знаете моё имя?

— Я многое знаю, внучок, твоего отца как звали?

— Елизар.

— Амулет с тобой?

— Откуда вы знаете?

— Мой амулет-то, я его сыну отдал, Елизару, наказал сыну отдать, дабы я мог внука увидеть.

— Как так?

— Когда ты соединил части, я ощутил импульс и притянул тебя.

Степан завис, в мыслях появилась пустота, нарастает чувство, будто вернулся домой, на душе легко и спокойно.

— Да, Стёпушка, я твой дед. Демьяном звали когда-то, а родился в Китеж-граде славном.

— Вот это да. Я в книгах читал, Китеж-град ушёл под воду ещё при татаро-монгольском иге, - сказал Степан, глаза как прожекторы, стоящие на крыше пограничной заставы.

— Великий Китеж поднимается раз в сто лет! В последний раз мать мальчишкой посадила в лодочку. Великий князь посмотрел мне в глаза, узрел что-то и отправил в мир, на иску. Рёк, что могу дело великое сотворить, ежели совладаю с пороками. - еле слышно сказал старик.

— С пороком и на дело великое?

— Не тот свят, кто греха не знал, а тот, кто грех познал и отверг.

— А как вы здесь-то оказались, на Дальнем востоке?

— Много я по земле русской помыкался, старался людям помогать, мудрости земной набирался, много повидал. Много зла вокруг, люди идут за пастырем, как овцы за пастухом. А вот, с пастырями нынче беда.

— Это точно, зла вокруг, как у собаки блох, - задумчиво сказал Степан.

— За мной, как за зверем охотились, в острог упрятали, но судьба сберегла. Убёг я, Стёпушка, с тех пор здесь пристанище моё последнее.

— Вот это да! У меня есть дед, - сказал Степан, позабывший обо всём на свете.

— И я рад, всё сложилось, теперича всё пойдёт иначе, для тебя и для меня.

— Слушай, ты один и живёшь здесь всё время?

— Да, Стёпа, ждал тебя.

— Дождался, так и останешься?

— Нет, ожидание кончилось, теперь будем действовать.

— Отлично, я кстати, скоро на дембель, поедешь к нам с мамой?

— И да, и нет. - прошептал старик.

— Как так?

— Слушай внимательно, по приезду домой, добудь яйцо куриное. Птицу чёрную надоть. Добавь семени своего. Найди навоза кучу малую, да схорони яйцо на десять вершков. Семь дней обожди, и достань искру жизни. И не забывай, как достанешь птенца, дай семь капель крови с перста своего. И помни, ежели кто прознает, не миновать беды.

— А зачем это, - изумлённо сказал Степан.

— Всё узнаешь со временем, главное, сделай в точности и колесо судьбы повернётся в нужную сторону.

— А ты?

— Обо мне не беспокойся, как птенец получит кровь, сам всё увидишь.

Старик извлёк из складок балахона скрученный пергамент и гусиное перо. Степан взял пергамент, тот оказался неожиданно тяжёлым, шелест, словно кто-то шепчет заклинание. Вглядевшись в непонятные буквы, больше похожие на следы коготков.

— Что за каракули?

— Это знаки древние, сила в них великая. А сказано здесь что согласен ты принять наследие.

— А что за наследие-то. И чем подписать?

— Это, можно сказать моё завещание. Держи перо, надо крови малёхо.

Степан взял перо, в раздумье посмотрел на пергамент. Старик придвинулся, взял за руку с пером, поднёс остриё к большому пальцу на другой руке. С неожиданной силой дёрнул вниз, Степан зашипел, на подушечке пальца выступила багровая капля.

Макнув кончик пера в каплю крови, поднёс перо к свитку, показалось будто пергамент сам втянул кровь, и бесформенное сначала пятно сложилось в слово. Словно во сне, протянул свиток деду.

— Вот и хорошо, Стёпа, тело схорони здесь. Подошёл срок и мне перейти в новое качество. Кости мои не отдай зверью на растерзание.

— Погоди, ты умирать собрался?

— Тело держится из последних сил, - еле слышно прошелестел голос.

— Дед..., - прошептал Степан с тоской в глазах.

— Дай руку...

Старик прикоснулся высохшей ладошкой, словно птичьей лапкой к ладони Степана.

— Et verbum caro factum est..., - зашелестел утихающий голос.

— А как же..., - сказал Степан, сквозь пелену в глазах увидел как дед обмяк.

Яркая вспышка пронеслась в голове, окружающий мир на минуту исчез в темноте. Вскоре глаза стали различать предметы, Степан поморгал, потряс головой. Осмотревшись, нашёл лопату под стеной, выбрался из дольмена, яркое летнее солнце заставило прищуриться, снова слышна тайга, чириканье птиц, жужжание насекомых.

Поплевав на ладони, стал копать, через полчаса в мягкой, словно недавно паханной земле появилась приличная яма. Подтащил невесомое тело к могиле, достал сигареты, в вечернее небо поднялась тонкая струйка дыма.

Через пару минут бычок полетел в траву, и Степан заработал лопатой, скоро возле дольмена вырос холмик свежескопанной земли. Крест из оструганных веток получился не очень, но за неимением лучшего, вкопал в изголовье. В глазах появилась пелена, словно кто-то бросил горсть пыли, лопата полетела на землю, принялся тереть глаза. Когда зрение прояснилось, взглянул на могилу и остолбенел.

Вместо креста - молодая берёзка, нежно шелестят зелёные листочки, прямо на глазах свежескопанная земля вспенилась зеленоватым пушком и через пару минут могильный холмик покрылся густой, ярко-зелёной травой.

Степан хихикнул...

Глава 5

Скурив пару сигарет кряду, огляделся, больше всего окрестности напоминают английский газон, травка мелкая, будто подстрижена. Не торопясь обошёл дольмен, по привычке глядя на землю.

— Пенёк-котелок, ни хрена себе! – прошептал Степан, упал на колени.

Возле ног гроздь красных ягодок на длинном стебельке, вещмешок упал на траву, достал нож, заострённую палочку и приступил к деликатному процессу выкапывания корня. Через пару часов бережно извлёк полностью освобождённый корень, положил на траву и восхищённо причмокнул.

— Грамм на двести потянет.

Втягивая ароматный дым китайской сигареты, обложил корень мхом, сунул в пакет и осторожно уложил в вещмешок. Собрал инструменты, обратный путь теперь кажется отличной прогулкой. Предстояло спуститься с сопки и пройдя по распадку пару километров, подняться на вершину, где уже и застава.

Степан спустился по склону, вскоре послышались странные звуки, осторожно двинулся в сторону источника. Пробрался сквозь густые заросли лимонника и всматриваясь в таёжную зелень, продвинулся вперёд.

Сквозь кусты видно, как двое человек в камуфляжных костюмах типа «Тайга-2», возятся возле мощных квадроциклов «Гризли», пакует какие-то мешки, пакеты. Разглядел у одного в руках винтовку с оптическим прицелом.

Взвесив шансы сообщить на заставу и задержать браконьеров, махнул рукой. Одному рвануться в бой не вариант, Степан уже было повернулся, собираясь продолжить путь, как вдруг послышался шум.

К браконьерам выходят знакомые лица, Цыган, с «калашом» наперевес. Яша, настороженно подбирающийся сбоку и Кирилл, замерший позади Цыгана. Степан уже было шагнул вперёд, тут ситуация в корне изменилась.

Грохотнули выстрелы, Кирилл завалился вбок, Цыган плашмя рухнул вперёд с удивлённым видом, короткая очередь из «калаша» срубила браконьеров. Третий, до этого не видимый, и поэтому сумевший выстрелить в погранцов, вышел из-за толстого кедра, держа на прицеле пистолета Яшу, тот уже поднял руки вверх.

Степан, прячась за кустами, почти подобрался, осталось метров пять. Крикнув что-то невнятное, метнул нож, по рукоять вошедший в ключицу стрелка, хлопнул выстрел. Уловил как Яша метнулся вперёд, острая боль в виске разорвала сознание в клочья...

Белый потолок. Тяжёлый запах лекарств. Степан поднял голову. Больничная палата, люди на койках, кто лежит, кто сидит. Белеют забинтованные конечности. Попробовал встать, голову разрядом рванула боль.

— Ишь, какой прыткий, ну-ка лежи, приказа вставать не было, - сказала миловидная девушка в белом халате, подошла к Степану.

Степан всмотрелся в симпатичное личико:

— Девушка, а как вас зовут?

— Алиса.

— Потрясающее имя. Можно вас пригласить на свидание?

Смех колокольчиками зазвенел в палате:

— Какое свидание, терминатор. Лежи, выздоравливай, там видно будет.

Степан, закрыв глаза, навалилась непроходимая дрема...

Перекошенное в ярости лицо браконьера, Цыган, падающий на землю. В руку вцепилась, похожая на птичью, лапка...

С криком очнулся. На краю кровати, майор Мирошниченко, командир заставы. Степан попытался встать, тупая боль в голове отрезвила.

— Лежи, лежи герой, выздоравливай, - сказал майор, придержал за плечи.

— Здравия желаю, Иваныч, там это, Цыгана подстрелили, Кирилла...

— Я в курсе, Яша рассказал, что знал. Парни на обходе были, когда слышали выстрелы, побежали туда, увидели браконьеров, решили брать. Дело-то в принципе несложное, поэтому и расслабились, а не стоило. Эти ребята полосатого завалили, а за тигра сам понимаешь, срок немаленький. Поэтому и рискнули отбиться. Ты там как оказался?

— Да я неподалёку был, правда выстрелов не слышал, шёл к заставе уже, слышал шум, подкрался. Двоих видел в летних камуфляжах, квадроциклы. Думал, всё равно их не взять, тут ребята появились, я решил, что всё нормуль сложилось, пошёл к ним было, тут выстрелы. Как там Цыган, Кирилл, я видел, как они упали?

— Они уже на небесах, Стёпа, - сказал командир, опустил голову.

— Как же так, Иваныч, Цыган же хотел на контракт остаться, - сказал Степан, в глазах застыли слёзы.

— Самому херово, мне бы в руки того, стрелявшего, - тихо сказал майор, хрустнули суставы в сжатых кулаках.

— Вот ублюдки, - прошептал Степан.

— Кстати, а где ты был целые сутки?

— Сутки? Не, я же утром ушёл. Нашёл корень путёвый, грамм на двести. Пока выкопал, прошло часа три, двинул обратно, ну и по пути сами знаете.

— Странно, с того момента как ты ушёл, прошли сутки.

— Как же так... - начал Степан, тёмная пелена заволочла сознание...

Глава 6

Степан открыл глаза, огляделся. Кругом степь, лишь неподалёку, как прыщ на лбу, покосившаяся изба. Вопли на всю округу.

— Что ж вы ироды делаете-то, последнюю кормилицу забираете, - заголосила потрепанная баба, держась за хвост тощей коровы.

— Отойди малахольная, - завизжал оборванный мужичонка в будёновке, потащил корову за рога.

Неподалёку суровый тип в кожаном пиджаке, поигрывает наганом. Рядом солдат с винтовкой со скукающим видом смолит сигарку. Возле избы мальчонка лет пяти, в половинке мешка вместо рубахи, закусил губу. Рядом старший брат в таком же рубище.

— Для народа ж берём, ить не разумеешь? - заорал мужичонка, бросил верёвку и принялся отцеплять бабьи руки от куцега хвостышки.

— А я кто? Не народ, поди? - взревела баба, отпустила хвост.

От могучего толчка мужичонка полетел кубарем, будёновка отлетела в сторону.

— Вот что женищина, корову изымает власть. На нужды революции. Мы вам выпишем ордер, потом будет вам корова, когда революция победит, - сурово сказал кожаный.

— Эт когда мы с голоду сдохнем, да? - сказала баба, упёрла руки в бока.

— Да к чёрту, - буркнул солдат, подошёл ближе.

Штык воткнулся под мощную бабью грудь, как вилы в охапку сена.

— Ой лишенько, - тихо охнула баба, осела рядом с коровой.

Кровь, фонтаном плеснула на могучее тело, рваная рубаха потемнела, налилась густым багровым цветом.

— Мамка, - крикнул младший, бросился к солдату.

Мощный удар приклада в голову отбросил мальчика на пару шагов. Штык с хрустом врубился в детскую грудь, ломая тонкие рёбра. Старший сорвался с места, понёсся к лесу будто стараясь перегнать смерть. Степан с изумлением заметил глаза мальчишки. Как светящиеся изумруды. И ещё волосы, яркие как огонь.

Солдат вскинул винтовку.

— Ладно, оставь, всё равно сдохнет, - сказал кожаный, и повернулся к мужичонке в будёновке, - Прошка, веди корову...

Майор, сторбившись, спустился с лестницы, прозрачные двери словно сами распахнулись, таёжный воздух ворвался в лёгкие, в голове зашумело. На крыльце, под внушительной табличкой на стене «Госпиталь № ...», пожилой врач в белом халате затянулся напоследок, бычок полетел в урну.

— Здравия желаю, Олег Иванович.

— Здравствуйте Пётр Алексеевич, ну как Потёмкин, выздоравливает?

Врач вскинул вверх указательный палец:

— О, хорошо, что напомнили. Всё хотел спросить, скажите, у вас что, какие-то новейшие разработки внедрили?

— Какие разработки?

Врач взял под локоток и повёл по дорожке вдоль здания госпиталя:

— Я конечно понимаю, военная тайна и всё такое, но согласитесь, такие вещи нас должны касаться в первую очередь.

Командир остановился:

— Не понимаю, о чём вы.

— Скажите, Потёмкин особенный, или все ваши бойцы такие?

— У нас все бойцы хорошие, не скажу, что Степан чем-то выделяется.

Пётр Алексеевич задумчиво потеревил веточку молодой пихты, нависающую над дорожкой:

— Вот я и думаю, у вас внедрили что-то, нам неизвестное. Понимаете, позавчера, когда привезли Потёмкина, у него в голове была вот такая дырка. Вкололи обезболивающее, перед операцией решили сделать рентген, для полноты картины.

— Ну и как?

— Необходимость операции отпала. Снимок показал абсолютно целые кости. Мягкие ткани сильно опухли, не более того. А сегодня утром осмотр, на коже ни малейшей царапины. А ведь я лично видел развороченную рану. Вы можете это объяснить?

Майор покачал головой:

— Сам ничего не понимаю, Степан на сутки пропал в тайге, а говорит, несколько часов. Может в тайге произошло что-то?

Врач задумался, снова достал сигареты, к безоблачному небу поднялся ароматный дымок, прислушался, как над клумбами гудят тяжёлые пчёлы, над раскалённым от летнего солнца, асфальтом, дрожит воздух. Вдруг лицо просветлело:

— Знаете, когда Потёмкина привезли, я заметил на руке часы, командирские.

— А причём здесь часы?

Пётр Алексеевич в нетерпении затянулся, бычок описал красивую дугу и исчез в урне, врач направился к входу.

— Часы командирские, не только время показывают, но и дату, понимаете?

На лице майора мелькнула догадка:

— Точно, где сейчас эти часы?

— Вместе с одеждой, в кладовке.

Командир заставы, еле поспевая за врачом, вбежал в двери, свернули в коридор налево, и доктор дёрнул ручку двери. В ноздри ломанулся складской запах одежды, врач крикнул вглубь:

— Эй, Петровна, ты где?

Из-за стеллажей зашуршало, на свет выкатилась бабулька в белом халате. Небольшого роста, вылитый колобок. Удивительно ловко проскользнула к врачу.

— Чего шумишь, Ляксеич, чай не глухая.

— Где вещи Потёмкина Степана? Позавчера привезли.

— Сей момент, - бабулька укатилась за стеллаж, через минуту вынырнула с пакетом.

Врач вывалил на стол смятый камуфляж, блеснул циферблат часов, взгляд впился в кружок с цифрами. Майор перегнулся через плечо Петра Алексеевича.

— Вот какая штука, однако, - прошептал врач.

С цифрами не поспоришь, секундная стрелка исправно движется, а дата отстаёт на сутки.

Глава 7

Ранним августовским утром рейсовый автобус скрипнул тормозами на безлюдной остановке. С шипением сложилась задняя дверь, на асфальт шагнул крепкий парень, камуфляж будто влитой. С рёвом голодного тигра автобус исчез за домом.

Паренёк вдохнул свежий воздух, вещмешок за спину, достал сигареты и прихрамывая, неспешно зашёл за остановку. Озадаченно встал перед круглым павильоном, на фасаде жёлто-зелёная вывеска «СОТИК».

Год назад, от остановки и дальше, меж серых пятиэтажек, вилась узкая тропинка среди зарослей полыни. Теперь местность кардинально изменилась. За «СОТИКОМ» ярко оранжевые лавочки, между ними журчит небольшой фонтанчик с двух сторон разноцветные, пахучие клумбы.

Над сопкой игриво показался край солнца, окрасив небо в розовый цвет. Расчирикались воробьи, дербаня засохший кусок хлеба на дороге. Парень подошёл к родной пятиэтажке. У подъезда на лавочке, дышит утренней свежестью сосед по балкону, аккуратный благообразный старичок.

— Здравствуйте, Прохор Иванович, как ваше ничего?

— Отлично Стёпа, отлично, ты на побывку али как?

— Всё, отдал долг Родине полностью.

— Молодец, мать-то заждалась. Всё говорит, вот Стёпа приедет, тогда заживём.

Степан улыбнулся:

— Ну вот я и приехал. Пойду, обрадую, соскучился страшно.

— Давай, давай, боец.

— До свидания, Прохор Иванович.

Степан зашёл в прохладу подъезда. Знакомые надписи на стенах «Валя плюс Саня», «Вавило - ...дило». Запах мочи едва не сшиб с ног. Поднялся на этаж, родная дверь, обитая чёрным дерматином, облупленный номерок с цифрой четыре. Мягко утопил кнопку звонка.

За дверью шаркающие шаги, скрежетнул ключ в замке. Дверь открылась, на пороге мать, вытирает руки о фартук. Лица прорезали счастливые улыбки. Шагнув в прихожую, Степан стиснул в объятьях, на щеках пролегли мокрые дорожки. Постояв так с минуту, вытерли счастливые слёзы.

— Вот и дома мой сокол. Почему не предупредил, сынок, я бы приготовила что-нибудь вкусное.

— Да ладно мам, всё это мелочи, главное, армия кончилась, - сказал Степан, берцы плюхнулись в угол прихожей.

Пройдя на кухню, удовлетворённо осмотрелся. Тарахтит старенький холодильник «Океан». Обшарпанный стол, табуретки, застиранные занавески. До армии домашняя обстановка вызывала тоску, но сейчас радость от возвращения перевесила всё.

Степан поскрёб в затылке:

— Мам, пойду я ополоснусь с дороги, пропылился насквозь.

— Конечно сынок, я на кухню.

Пока Степан принимал ванну, мать поджарила картошки. Увидев мощный торс выходящего из ванной сына, заметила:

— Возмужал-то как. Прямо терминатор.

— Мам, какой из меня терминатор.

— Ну хорошо, вылитый мачо.

— Ладно, мачо так мачо, главное, что не чмо.

На сковороде, золотистые ломтики источают такой запах, что слюни капаят на грудь.

— Сынок, больше нечем порадовать. От пенсии сто рублей осталось.
Вечером соседка с дачи придёт, перезайму.

— Погоди мам, - сказал Степан, принёс вещмешок.

На стол лёг газетный свёрток с блок сигарет. Зашуршала бумага, зазеленел ряд перетянутых резинкой пачек.

— Господи, сынок, откуда?

— В армии подрабатывал в свободное время, не боись мам, не украл.

— Неужели в армии столько заработать можно?

— Мы же в тайге, женшень часто попадается, вот и наладили бизнес.

— Вот шустрые, а я уже занимаю от пенсии к пенсии. Кое-как хватает за квартиру заплатить, на еду немного остаётся.

— Мам, не переживай, на работу устраюсь, всё наладится.

— Ты уж не расстраивай меня сынок, не лезь в криминал.

— Конечно, мамуль, тратить годы и здоровье в лагерях, это не моё. Погоди, в магазин сбегая, отметим как следует, праздник всё-таки.

Через полчаса Степан, гордо отдуваясь, занёс на кухню два полных пакета. На столе сверкнула пробкой бутылка шампанского, раскинул багровые клешни шипастый камчатский краб. Копчёная нерка, с крокодила размером, подмигнула тусклым глазом. Масляно блеснула в ведёрке красная икра. Развернул свёрток из фольги, мощный запах шашлыка на полную врубил слюнные железы. Бахнула в потолок пробка, вино в бокалах празднично вспенилось.

— Давай, мам, за наше светлое будущее.

— Ой сына, дай-то бог.

— Будет, мамулик, куды оно денется. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Кстати, ты знаешь, кого я встретил в тайге?

— Откуда же я знаю.

— Деда. Своего, причём.

— Деда? - прошептала мать, едва не свалилась с табуретки.

— Точно, правда он умер быстро, не успел расспросить.

— Интересно девки плачут, отец твой ничего не говорил. Да он вообще мало что говорил.

— Мам, а расскажи, что помнишь про отца, - сказал Степан, наполнил бокалы.

— Да что рассказывать, шла как-то с работы, мы тогда с Верой, соседкой нашей, в школе работали, техничками. Подвернула ногу, сижу на лавочке, плачу, каблук сломался, нога болит. Тут мужчина подходит, спрашивает, чем помочь, мол.

— А ты его знала, до этого?

— Нет, первый раз тогда увидела. Он меня на руки, так и донёс до квартиры, почти через весь посёлок, без отдыха. На диван положил, за ступню взялся, дёрнул как-то. Полежи, говорит, я пока на стол накрою.

— Ничего себе, а нога что?

— Боль прошла минут через десять, захожу на кухню, а там уже и стол накрыт. А там и икра красная, и сервелат сырокопчёный, и кета солёная. Коньяк какой-то нерусский. Где взял, я так и не поняла, у меня в холодильнике отродясь таких деликатесов не водилось.

— Надо было спросить, где взял.

— Спросила. Не бери, говорит, в голову, мол, с собой принёс. Давай лучше исцеление твоё, Оленька, отметим. Ну и отметили. А утром проснулась, он сидит в кресле, на меня смотрит так нежно.

— Он у тебя на ночь остался?

— Да. Спрашиваю, может что не так. Всё хорошо, говорит, когда сын родится, назови Степаном и даёт эту штуку. - сказала мать, показывая на амулет. - Одну половину пусть носит

всегда, а вторую отдашь, когда двадцать лет исполнится. Только обязательно перед днём рождения отдай, говорит.

— Вот это да, а знаешь, мам, когда я поднёс вторую половинку к первой, они воедино слились, и в глазах потемнело. А что дальше-то отец сказал?

— Вряд ли свидимся, говорит, а если жив будет, то навестит обязательно, в руку мешочек сунул, на воспитание, говорит. А в дверях протянул мне ландыши, будто только сорванные, на дворе январь месяц, а тут ландыши.

— Обалдеть, это те, сухие, что на подоконнике?

— Да, с того времени и стоят, взгляну на них порой и вспоминаю его.

— А в мешочке что было?

— Кусочки золота. Я берегла, когда совсем тяжело было, продавала помаленьку. Ты уже в седьмой класс пошёл, когда последний кусочек продала.

— И что, больше отец так и не появился?

— Нет, я думаю, если бы мог, пришёл. Он со мной ласковый был, внимательный, я только о нём думала, так замуж и не пошла. Знаешь, я потом вспоминала, и вот какая штука. Когда он меня нёс домой, в руках у него ничего не было, и своё имя я не говорила.

— Да, странно. Жаль, я его так и не увидел ни разу, и дед умер быстро, ничего не успел сказать.

— Расскажи про деда-то, как ты его встретил?

— Да как, пошёл в тайгу корень искать, забрался на сопку, а там дольмен стоит. Я внутрь залез, а там он. Старый очень, даже не знаю, сколько лет, а глаза-то, зелёным светятся. Про медальон сказал, мол сыну Елизару, в своё время отдал, для внука.

— Что-то они, что отец твой, что дед, только появились в нашей жизни, тут же и пропали, - грустно сказала мать.

— И не говори. Потом похоронил там же, по его просьбе, неподалёку корень нашёл большой, а когда возвращался на заставу, на браконьеров наткнулся. И бойцы наши хотели взять их, да не вышло, двоих наших убили, меня ранили. Оказывается, тигра подстрелили, а там срок большой бы дали.

— Какой ужас, что с людьми делается-то, - сказала мать, всплеснула руками.

— Да, мама, человек человеку враг. Рана у меня зажила быстро, а провалялся в госпитале месяц, всё какие-то анализы брали. Врачи говорили, что вирус какой-то подхватил, типа надо изучить. Еле на дембель вырвался.

— Ну, слава богу, жив-здоров.

— Не переживай, мам, скоро всё на лад пойдёт, - сказал Степан, выглянул в окно. - Ого, уже вечер подкрался.

— Молодец ты у меня, - сказала мать, смахнула невольную слезу.

— У лучшей матери и сын должен соответствовать. Мам, ты приberi деньги, завтра купим тебе хороших лекарств, и отдохнуть тебе надо. Поедешь в санаторий, здоровье поправишь.

— Ой, сынок, - у матери перехватило горло, в уголках глаз сверкнули слёзы.

— Мам, кстати, Пашка в посёлке?

— Да, вчера только видела, на белой машине ездит.

— Какой машине?

— Не знаю, нерусская какая-то.

— Понятно, буржуй ещё тот. Мам, схожу, Пашку проведаю, а то уже забыл, как друг выглядит. Если ночевать не приду, не переживай, встречу обмоем, то да сё, сама понимаешь.

— Ладно, сынок, Пашка хороший, всегда первый здоровается, - сказала мать, проводила до двери.

Глава 8

Степан влез в спортивный костюм, на голову бейсболку, обул кроссовки, чмокнул в щёку мать. Выйдя из подъезда, закурил и присел на лавочку. Небо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.